

В первом задании слово «пробиться»: произносится ли иероглиф как «jǐ» или «jī»? Цзян Хуай не помнил и уже собрался встать за словарем.

— Не ищи в словаре. Сделай пометку, а когда закончишь, разберешься со всеми трудными вопросами разом, — сказал Бо Цзянь.

Цзян Хуай опешил и опустил взгляд на экран компьютера. Спустя мгновение он буркнул «а» и вернул словарь на место.

Он снова сел за стол, и в комнате опять воцарилась тишина. Цзян Хуай делал вариант по китайскому языку, а Бо Цзянь занимался дополнительными упражнениями. В комнате стояла такая тишина, что раздавался лишь редкий шорох переворачиваемых страниц. Цзян Хуай покрутил в пальцах гелевую ручку и как бы невзначай мельком глянул в правый верхний угол экрана.

Бо Цзянь склонился над заданиями с предельно серьезным видом. Хотя в школе Цзян Хуай видел, что этот придурок читает внеклассные книги чаще, чем делает домашку, приходилось признать... когда Бо Цзянь брался за учебу, он уходил в нее с головой.

Бо Цзянь слегка приподнял руку и с шелестом перевернул страницу варианта. Цзян Хуай тут же снова опустил голову, делая вид, что увлечен работой.

Лишь спустя долгое время Цзян Хуай чуть приподнял веки и бросил взгляд на окно видеосвязи, где виднелся председатель Бо. Холодный свет лампы у Бо Цзяня подчеркивал ослепительную белизну его запястья, а отбрасывавшие легкую тень пальцы казались необычайно длинными и изящными.

Бо Цзянь был хорош. Хорош во всем.

Цзян Хуай внезапно почувствовал умиротворение и тоже погрузился в работу.

Обычно, когда решаешь тесты, особенно на экзаменах, даже такие заядлые двоечники, как Цзян Хуай, плетущиеся в самом конце списка успеваемости, душой и телом ненавидят тех монстров, которые щелкают задания с невероятной скоростью. Не успеешь ты доделать и половину первой страницы, как такой тип уже перелистывает на вторую. И весь экзамен вместо того, чтобы спокойно думать над вопросами, ты только и слушаешь, как он громоподобно шуршит листами — будто Владыка ада явился за твоей душой, лишь бы все знали, с какой скоростью он пишет.

Председатель Бо относился как раз к категории таких «вестников смерти».

Он, конечно, не стал бы вести себя бестактно, как некоторые, специально оглушительно хлопая страницами, но за тот час и пятьдесят минут, что Цзян Хуай потратил на все задания по китайскому, кроме сочинения, он услышал около двадцати шуршаний.

Один лист формата А3 можно перевернуть раза четыре. Двадцать с лишним раз — с учетом редких возвратов назад для проверки — это примерно четыре-пять тестовых вариантов.

Цзян Хуай уставился на незаполненное поле для сочинения:

— Бо Цзянь, ты каким предметом занимаешься?

Бо Цзянь поднял глаза:

— Физикой и математикой. А что?

— И сколько вариантов ты в итоге сделал?

Бо Цзянь аккуратно сложил исписанные листы:

— Один комплект по математике, два по физике... четыре листа?

Цзян Хуай: «...»

Извини, был неправ, зря спросил.

На самом деле Бо Цзянь оставил нерешенной еще одну лабораторную задачу по физике, но сначала отложил готовые тесты в сторону:

— Ты закончил с китайским?

Цзян Хуай без особого энтузиазма пробормотал:

— Закончил.

— А ответы к самопроверочному варианту у тебя есть?

Цзян Хуай скосил глаза на окно видеовызова:

— ...Еще не нашел на школьном форуме.

Бо Цзянь тихо усмехнулся:

— Тогда сфотографируй свои ответы и пришли мне. Я проверю и отмечу ошибки.

Цзян Хуай немного помолчал и спросил:

— Тебе не лень возиться?

— Вполне нормально, — беззаботно отозвался Бо Цзянь. — Мне даже нравится проверять чужие ошибки... Особенно у таких, как ты, у кого их полно. Появляется такое чувство удовлетворения, будто вирусный троян с компьютера удаляешь.

Цзян Хуай: «...Блядь».

Разгладив листы, Цзян Хуай включил настольную лампу, подстроил угол и постарался как можно четче сфотографировать на планшет два листа с ответами, после чего отправил их председателю Бо.

Председатель Бо слегка увеличил эти четкие снимки и вынес вердикт:

— Почерк у тебя ужасный.

— ...Я знаю, мог бы и не говорить.

— Потренируйся на досуге. Я пока сниму тебе десять баллов за оформление.

Цзян Хуай: «??»

Первоначально Цзян Хуай еще сомневался, не тратит ли он попусту драгоценное время председателя Бо — первого ученика в параллели и надежды Второй школы, — но уже через пять минут председатель Бо прислал ему обратно проверенные снимки.

Две фотографии были сплошь испещрены красными крестиками, кружками и вопросительными знаками.

— Семь ошибок из тринадцати в тестовой части. Сосед, как-то слабовато, — произнес председатель Бо.

Цзян Хуай: «...»

Председатель Бо устно подсчитал баллы:

— Сочинение не написано, так что максимум 90 баллов. Каждое задание с выбором ответа — 3 балла. За остальные 51 балл развернутых ответов ты набрал в сумме 21. Итого 39, минус 10 за оформление... Твой результат за первый вариант — 29 баллов.

Цзян Хуай: «...Заткнись».

Председатель Бо без малейшего намека на искренность слегка вздохнул:

— Я скину тебе свой вариант, сверься с ним и исправь ошибки.

— ...Скидывай, — Цзян Хуай почувствовал укол унижения.

Бо Цзянь быстро отправил вереницу фотографий. Два листа с заданиями по китайскому языку уместились у него на восьми снимках. В отличие от оборванного вида листочков Цзян Хуай, у которого не было распечатанных бланков и который скомкал все ответы на чистой бумаге так, что проверять это было настоящей мукой, Бо Цзянь прислал снимки самих оригинальных вариантов...

Цзян Хуай увеличил фотографии и обомлел.

Он и раньше видел работы Бо Цзяня. В каком виде их раздавал учитель на экзамене, в таком они и оставались после завершения, разве что посередине появлялась сгибная складка.

Самопроверочный вариант школа составила по образцу предстоящих промежуточных экзаменов, то есть задания не должны были быть чересчур сложными — во всяком случае для первого ученика параллели. Однако на присланных снимках оригинальные листы тестов были исписаны красной ручкой — густо, но в то же время предельно аккуратно. В заданиях на фонетику и орфографию было отмечено, что верно, а что нет, с подробными дополнениями и похожими иероглифами и произношением. В заданиях на чтение и понимание текста в самом отрывке были обведены вводные слова и союзы, размечены логические связи, а основания для ответов четко привязаны к номерам вопросов прямо в тексте.

В разделе анализа древней поэзии в заметках пояснялись образы, приводились ссылки на классику с указанием источников, а основной посыл и эмоциональный тон подробно разбирались.

Снимок с переводом древнекитайского текста вне программы был практически целиком красным, поскольку Бо Цзянь перевел его полностью, отдельно выделив ключевые слова.

Цзян Хуай долго сидел в ступоре. Затем поднял взгляд и лишь спустя некоторое время спросил:

— Сколько времени у тебя ушло на то, чтобы все это расписать?

— Да не особо долго, — непринужденно ответил Бо Цзянь. — Мне прислали самопроверочные тесты на день раньше, чем вам.

У Цзян Хуая пересохло в горле:

— ...Это ты для меня написал?

— Нет, — улыбнулся Бо Цзянь. — Это мое собственное итоговое повторение к экзаменам.

Он подпер голову рукой:

— Хорошие ученики обычно весьма строги к себе.

— Ага, очень строги, — Цзян Хуай чуть приподнял веки. — Задания на чтение меняются от варианта к варианту, и оказывается, хорошие ученики даже на разовых текстах во всех деталях расписывают логические связи исключительно для себя.

— Вовсе нет, — Бо Цзянь сделал небольшую паузу, и уголок его губ тронула улыбка. — Я думал, что на этих выходных ты придешь ко мне домой... И если во время нашей совместной учебы ты начнешь расспрашивать меня обо всем подряд, а я окажусь не готов — я же потеряю лицо.

Множество привычных едких и язвительных колкостей застряли у Цзян Хуая в горле, но в итоге он выдавил:

— Спасибо за труды.

Бо Цзянь посмотрел на Цзян Хуая:

— Ага, труды были действительно нешуточные.

Он погладил запястье и со вздохом добавил:

— Рука до сих пор затекает.

Цзян Хуай почувствовал, что разговор сворачивает куда-то не туда:

— ...?

Бо Цзянь бросил взгляд на часы — было уже больше девяти вечера. Он снова посмотрел на Цзян Хуая:

— А награда мне полагается?

Цзян Хуай: «...»

— Нет, — отрезал он.

Председатель Бо, подперев голову рукой, неторопливо произнес:

— Да даже в начальной школе за усердную учебу и труд учителя дают красные цветочки... Я так старался ради нашей совместной учебы, неужели ты правда ничего мне не подаришь?

Цзян Хуай: «...Мне тоже тебе красный цветок нарисовать?»

— Не хочу я никакой цветок.

— ...

Бо Цзянь опустил глаза, его ресницы слегка дрогнули:

— Эх, был бы ты сейчас у меня дома... — тихо сказал он. — Я бы попросил тебя помассировать мне руку.

Цзян Хуай с грохотом отодвинул стул, встал и пошел взять бутылку воды, чувствуя, как от сухости першит в горле:

— Сколько у тебя вечно капризов.

— Ты такой грубый. Неужели не можешь быть со мной хоть немного поласковее?

Цзян Хуай поперхнулся водой. Ему вдруг вспомнился стратегический совет директора Цзян с другого конца океана: «Ты проявляй побольше внимания, будь к нему поласковее». Цзян Хуай обернулся, его глаза покраснели от кашля, и он в замешательстве выкрикнул:

— Заткнись ты уже, блядь, а?

Бо Цзянь же спокойно откинулся на спинку кресла:

— Когда я тебе нужен, я твоя лапочка, а как дело сделано — сразу «заткнись».

Цзян Хуай: «.....»

— Что за херню ты несешь?! — У него по коже побежали мурашки. — Когда это я, блядь, называл тебя лапочкой?!

Бо Цзянь слегка наклонил голову и вздохнул:

— Что ж, ладно. За эти выходные я постараюсь поднять твой уровень китайского настолько, чтобы ты даже со своими 29 баллами за письменную часть смог оценить, что мои слова были метафорой.

<http://bllate.org/book/18377/1766609>